

Сторона 1 – 26.04

1. Горько жить	– 1.43
2. Дуня	– 1.16
3. В глухом саду	– 2.39
4. Озари мой путь	– 3.29
5. Осень	– 2.20
6. Птички певчие	– 1.39
7. Пред душевным камельком	– 2.05
8. Смех сквозь слезы	– 1.54
9. Наша доля – наша песня	– 2.01
10. Дубинушка	– 3.41
11. Макар	– 1.52
12. Царь наш	– 1.25

Сторона 2 – 25.36

1(13). Пословица	– 3.11
2(14). Добрые вести	– 2.17
3(15). Гусяр	– 2.49
4(16). К России	– 2.56
5(17). Как-нибудь	– 1.24
6(18). Остывшая любовь	– 2.46
7(19). Предсмертная	– 4.12
8(20). Вдовья колыбельная	– 3.30
9(21). Безымянный певец	– 2.31

Общее время звучания – 51.40

СТОРОНА 1

ГОРЬКО ЖИТЬ

«Мы живем среди полей
И лесов дремучих»,
Проливая, как елей,
Много слез горючих.

С каждым часом тяжелей
Нам от фраз трескучих...
«Мы живем среди полей
И лесов дремучих»...

Пусть истории столбцы
Правду обнаружат, —
Как и деды, и отцы
Стонут, плачут, тужат...

Выглянь, солнышко, смелей
Из-за туч могучих!
Горько жить «среди полей
И лесов дремучих».

ДУНЯ

Дуня, моя Дуня,
Дуня дорогая!
В жаркий день июня
Ты, изнемогая,
Травушку косила
Ручкой неленивой,
Пела-голосила
Над родимой нивой:
«Где дружок найдется,
Чтоб мне слезы вытер?
Горько здесь живется, —
Я поеду в Питер.
Люди там богаты,
Здесь же — бедность, горе...
Из родимой хаты
Убегу я вскоре».
... И рыдала Дуня,
Дуня молодая,
В жаркий день июня
К ниве припадая.

В ГЛУХОМ САДУ

Пусть в вальсе игривом кружится
Гостей беззаботных толпа —
Хочу я в саду освежиться,
Там есть невидимка тропа.
По ней в час последней разлуки
Я тихо и робко иду...
Гремят соловьиные звуки
    В глухом саду.

Гремят соловьиные звуки...
В саду мы блуждаем одни.
Пожми горячее мне руки,
Головку стыдливо склони!
Под пологом северной ночи,
Не видя грядущей беды,
Пусть светят мне милые очи
    Как две звезды.

Пусть светят мне милые очи,
Пусть громче свистит соловей!
Лицо мне, под сумраком ночи,
Косой шелковистой обвей!
Не видят нас звезды, мигая
Миллионами радужных глаз...
Еще поцелуй, дорогая,
    В последний раз!

Еще поцелуй, дорогая,
Под вальс и под трель соловья!
И я, от тебя убегая,

Сокроюсь в чужие края.
Там вспомню приют наш убогий
И светлые наши мечты.
Пойдем мы неровной дорогой —
И я, и ты.

ОЗАРИ МОЙ ПУТЬ

Если хочешь, друг мой, лето увидеть,
Лето чудное, как божья благодать, —
На себя ты, дорогая, посмотри:
Взор твой ярче и отраднее зари.
Этот взор, во тьме сверкающий,
Мне напомнит небеса.
Я, больной, изнемогающий,
Вновь поверю в чудеса;
Как пустыня — степь бесплодная,
Оживет душа холодная.

Если хочешь, друг мой, осень увидеть,
Если хочешь волноваться и страдать,
Если хочешь знать лихие наши дни, —
Ты мне в сердце наболевшее взгляни.
Устреми глаза лазурные
В это сердце: видишь, в нем
Есть порывы — вихри бурные,
Что шумят в ночи и днем,
Колыхая степь бесплодную
В осень темную, холодную.

Осень темная несет с собой дожди,
В осень темную ты солнышка не жди!
Но когда ты, голубица-чародей,
Взглянешь ласково на страждущих людей,
Оздоровеют болящие,
Что шатаются как тень,
И ослепшие, незрячие
Вдруг увидят светлый день, —
И тогда, подруга милая,
Оживится степь унылая.

Эта степь — мои бесплодные мечты.
В темном омуте житейской суеты
Я плыву... плыву, не зная сам — куда?
Посвети мне, путеводная звезда!
Сжался, друг мой, над страдающим,
Озари мой путь скорей!
Маяком будь, освещающим
Тайны страшные морей,
Где пловцы погибли многие —
Духом слабые, убогие.

ОСЕНЬ

Осень настала — печальная, темная,

С мелким, как слезы, дождем;
Мы же с тобой, ненаглядная, скромная,
Лета и солнышка ждем.

Это безумно: румяною зорькою
Не полюбуемся мы;
Вскоре увидим, с усмешкою горькою,
Бледное царство зимы.

Вскоре снежок захрустит под обозами,
Холодно будет, темно;
Поле родное скуется морозами...
Скоро ль растает оно?

Жди и терпи! Утешайся надеждою,
Будь упованьям верна:
И под тяжелою снежной одеждою
Всходит зародыш зерна.

ПТИЧКИ ПЕВЧИЕ

Вчера в саду, на ветвях ели,
Две «птички певчие» сидели
И задушевно-сладко пели,
Что мир очнулся после сна,
Что в мире слишком много счастья;
«В замену мрака и ненастья
Явилась светлая весна!»
Вдруг зашумела ведьма-вьюга —
И дети пламенного юга,
Одевши крыльями друг друга,
Умолкли. Ночь была темна...
Оледенели птички с думой,
Что там их бог вознаградит...
А здесь, под елкою угрюмой,
Лишь вьюга жалобно гудит.

ПРЕД ДУШЕВНЫМ КАМЕЛЬКОМ

Ни вперед, ни вспять не еду.
Я сижу один, тайком,
И веду с собой беседу
Пред душевным камельком.

«Здравствуй, милый!» — «Здравствуй, старче!
— «Как живется?» — «Плохо, брат...»
— «Огонек в душе поярче
Засвети! Я буду рад.. .»

— «Зажигал его я, друже,
Но... сгорели все дрова, —
И во тьме, при ведьме-стуже,
Охладела голова...»

— «А душа не охладела?»

— «Нет, по-старому она
Просит воли без предела,
И во тьме ей — не до сна!»

— «Ты похож стал на младенца,
Мой двойник! Хоть на авось,
Поскорей два-три поленца
В камелек души подбрось!»

— «Так и быть, двойник! Подброшу,
Запою о том, о сем...
Нашу песню, словно ношу,
До рассвета донесем!»

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Хоть у школьников спроси,—
Было время на Руси:
Раздавался смех рыдающий,
Но сквозь слезы уповающий
    В дни грядущие,
    Не гнетущие.

«Честный смех», как благодать,
Может нас пересоздать...
Только где же наши Гоголи?
На святой Руси их много ли
    В дни тоскливые,
    Молчаливые?

Но когда молчат уста,
То — прекрасна и чиста —
Говорит слеза горячая,
В самой немощи могучая,
    Благотворная,
    Непозорная!

НАША ДОЛЯ — НАША ПЕСНЯ

Я тоски не снесу
И, прогнавши беду,
На свободе в лесу
Долю-счастье найду.

Отзовись и примчись,
Доля-счастье, скорей!
К сироте постучись
У тесовых дверей.

С хлебом-солью приму
Долю-счастье мое,
Никому, никому
Не отдам я ее!

Но в лесной глубине

Было страшно, темно.
Откликалося мне
Только эхо одно...

Так и песня моя
Замирает в глуши
Без ответа... Но я —
Я пою от души.

Пойте, братья, и вы!
Если будем мы петь,
Не склоняя главы, —
Легче горе терпеть.

Что ж мы тихо поем?
Что ж наш голос дрожит?
Не рекой, а ручьем
Наша песня бежит...

ДУБИНУШКА

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.

Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий, безоблачный день!
Всё бы легче народу неволю терпеть,
Всё бы легче «Дубинушку» петь.

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
Покатились слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
Надо «ухать» еще и еще!..
От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска — похоронный напев,
И бессильный, страдальческий гнев.
Это праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом за гроши
Добывать для других барыши...

«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

МАКАР

Мой приятель Макар
Покорился судьбе.

Он ни молод ни стар.
И живет... так себе.

Странный он человек!
Пожалеешь о нем:
То проспит целый век,
То вдруг вспыхнет огнем.

Он и кроток и смел,
И на всё он ходок,
Даже сделать сумел
Петербург-городок.

Поклониться велят —
Он отвесит поклон;
Гнать заставят телят —
И телят гонит он.

Хлебца нет — не беда;
Он и желуди ест;
Загуляет — тогда
Рад пропить с шеи крест.

Становой пригрозит —
Струсит он, как дитя;
А медведя сразит
Кулачищем шутя.

«Веселись, дуралей!» —
И Макар запоет.
«Слезы горькие лей!» —
И он ревмя ревет.

«Сделай флот, старина!» —
И плывут корабли.
«Обеднела казна»... —
Он дает ей рубли.

«Правосудно суди!» —
И судить он горазд.
«На разбой выходи!» —
Он пощады не даст.

Человек он и зверь;
В нем и холод и жар...
Но велик ты, поверь,
Мой приятель Макар!

ЦАРЬ НАШ

Царь наш — юный музыкант —
На тромбоне трубит,
Его царственный талант
Ноту «ре» не любит:

Чуть министр преподнесет
Новую реформу, —
«Ре» он мигом зачеркнет
И оставит «форму».

«Что за чудное гнездо
Наша Русь святая!
Как прекрасно наше «до»,
«До»... до стен Китая».

И с женою и с детьми,
Чувствуя унылость,
Царь не знает ноты «ми»
(Есть словечко «милость»).

Помня ноты две «la — fa»,
Царь не любит сплина» —
На Руси ему — «лафа»,
Разлюли-малина,

Царь сыграет ноту «соль»
Без ошибки, чудом,
Если явится «хлеб-соль»
С драгоценным блюдом.

Уподобясь на Руси
Господу-аллаху,
Он выводит ноту «си»
(Сиречь: «да»)... на плаху.

ПОСЛОВИЦА

Подружился серый зайчика с лисой,
«Я люблю тебя без памяти, косой!
Истомилась, истерзалась, полюбя:
Очень нравятся мне уши у тебя, —
Ты красивей длинноухого осла...
Я тебя бы в теремочек унесла,
Уложила б на тесовую кровать,
Стала б зайчика ласкать да миловать...»

Полюбился красной девушке старик.
Говорит она, надев ему парик:
«Что за кудри! Так и вьются по плечам,
И об них я сокрушаюсь по ночам,
Грудь лебяжья разрывается в клочки...
Погляди-ка на меня в свои очки,
Приласкай меня дрожащею рукой,
Не сгибайся в три погибели клюкой!»

«Патрикеевна, любезная кума!
Полюбил тебя я, зайчик, без ума.
Рад я с милою невестой под кустом
Побеседовать в орешнике густом...»
— «Ах, бесстыдник, что за дерзкие слова!

Я — невинная, почтенная вдова.
Ты в мужья мне не годишься, — очень слаб...»
Подбежала, рот раззела, да и — хап!

«Раскрасавица, волшебница моя!
Пред тобою молодею снова я.
Как пойдем с тобою в церковь под венец,
Подарю тебе с брильянтами ларец...»
— «Ты обманешь? Покажи мне, я взгляну,
Чем обрадуешь красавицу жену —
Что такое в сундучке-то дорогом?»
Подбежала, всё схватила и — бегом!

Ах, зачем ты, серый зайнька косой,
Подружился, на беду свою, с лисой?
Ах, зачем ты, старче древний и седой,
Волочился за красоткой молодой?
Ах, зачем у нас зубастых шук стада
Поглощают мелких рыбок без труда?
Ах, зачем у нас на матушке Руси
Так доверчивы и глупы караси?

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

«Всё ли здорово в деревне?» — так барыня
Старосте молвила речь.

«Всё хорошо, всё здорово, сударыня,
Нам ли уж вас не беречь?»

— «Ладно, спасибо. Сберег ли ты сокола, —
Жив ли мой сокол ручной?»

— «Умер недавно. Летал он всё около
Нашей долины речной,

Там и объелся любимец ваш падали...»
— «Кто ж из скотинушки пал?»

— «Конь вороной...» — «Отчего?!
Не от яда ли Конь дорогой мой пропал?»

— «Бог с вами, матушка! Речью неправую
Нас обижать для чего?

Мы угощали коня не отравой, —
Но похлестали его.

Плетка и кнут, а не то и дубинушка,
Все изломались... Беда!

Больно упрямылась ваша скотинушка,
Воду везя из пруда».

— «Воду зачем вы возили, негодные,

Должен ответить ты мне!!»

— «Ваши хоромы большие, свободные
Вдруг затрещали в огне...»

— «Кто их поджег? Говори, Калистратушка, —
Богом прошу я, Христом!»

— «Ваша старушка, покойница матушка,
Были виновными в том.

Их хоронили. Свеча погребальная
Дом подожгла невзначай.

Так и сгорела усадьба опальная...
Барыня, дай-ка на чай!»

ГУСЛЯР

Жил гусяр во дни минувшие,
Правду-матку проповедовал;
Он будил умы уснувшие,
По кривым путям не следовал.

Пел гусяр: «Веди нас, боженька!
Невтерпеж тропинка узкая...
Гой ты, славная дороженька!
Гой еси ты, песня русская!

Не в тебе ли светит зорюшка
Для народа исполинского?
Долетай до Бела морюшка,
Вплоть до морюшка Хвалынского.

Не кружись вокруг да около!
У тебя ли крылья связаны?
Для тебя ли, ясна сокола,
К небесам пути заказаны?»

Околдован словно чарами,
Пел гусяр... В нем сердце билось...
А теперь, на грех, с гусярами
Злое горюшко случилось.

Ни пути нет, ни дороженьки...
Нет орлов; не видно сокола.
Устают больные ноженьки,
Бродят всё вокруг да около.

Гой ты, песенка-кручинушка,
Песня бедная, болящая,
Не угасни, как лучинушка,
Тускло-медленно горящая!

Вместо песни, слышны жалобы

На судьбу — злодейку гневную...
Спеть гусярам не мешало бы
Песню чудно-задушевную, —

Чтобы сердце в ней не чахнуло,
Не дрожало перед тучею,
Чтобы в песне Русью пахнуло,
Русью свежее, могучее!

К РОССИИ

К коленам твоим припадая,
Страдаю я вместе с тобой
И жду той минуты, когда я
Увижу тебя не рабой.

И в рабстве ты чудно-могуча,
Не видя свободы лучей;
Грозна ты, как темная туча,
Для диких твоих палачей.

Они всю тебя истерзали,
Пронзили железом, свинцом,
И руки и ноги связали,
Покрыли терновым венцом...

Надейся! Исчезнут тираны,
Исчезнут коварство и ложь.
Надейся! Ты вылечишь раны,
Венец свой терновый сорвешь.

Терпи же, моя дорогая,
Покуда есть силы, терпи!
Сверкай, огонечком мигая
В широкой унылой степи!

Потом огонек разгорится
На поле угрюмом, нагом, —
И мрачная степь озарится
Далеко, далеко кругом!

КАК-НИБУДЬ

Снежные сугробы, зимние метели
Завалили нам окно...
Мы бы и желали, мы бы и хотели,
Чтоб открылось оно.

Всё не удастся. Значит, руки слабы
У отцов и у мужей!
Верно, наши дочки, верно, наши бабы
Доберутся до ножей?..

Подождем, ребята, капельку-немножко,
И с отчаянным бабьем

Мы в дрянном остроге ветхое окошко
Как-нибудь да разобьем!

ОСТЫВШАЯ ЛЮБОВЬ

«Блажен, кто верует: тепло тому на свете!»
...Сатирику я слепо подражал,
И верил я в тепло, когда к Лизете
На чердачок холодный прибежал.

Дрова последние сырые догорали...
В объятиях друг друга грели мы —
А ветер пел уныло: «Не пора ли
Расстаться вам среди холодной тьмы?»

Но ты шептала мне в своей ночной одежде:
«Как здесь тепло! Еще со мной побудь!»
И с чердачка я убежал не прежде,
Когда у нас в лед обращалась грудь.

Исчезло счастье! Состарились мы оба...
Любовь прошла. Любовь нам—трин-трава!
Тебе и мне остался шаг до гроба,
И не любовь нас греет, а... дрова!

Сидим с заботою: что будет завтра с нами?
Согреет ли нас теплый камелек?
Не делимся мы радужными снами,
Но веруем: наш берег недалек!

К нему приходится приплыть, друг старый, милый!
...Пора забыть и радости и зло, —
Поверуем, что где-то, за могилой,
Мы будем жить спокойно и тепло!

ПРЕДСМЕРТНАЯ

Там, среди родной реки,
Песни пели бурлаки:
«Разовьем мы березу.
Разовьем мы зелену,
Ой-да да ой-да.
Ой-да да ой-да.
Разовьем мы зелену!»

Наша песенка не та...
Но осталась нищета,
И над Волгою вдвоем
С ней мы песенку споем:

Разобьем мы жизнь скорей!
Смерть стучится у дверей.
Ой-да да ой-да,
Ой-да да ой-да!
Смерть стучится у дверей.

Гостья милая, иди!
Припади к моей груди.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Припади к моей груди.

Всё равно. Один конец.
Мы поедem под венец.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Мы поедem под венец.

Ехать с поездом пора.
Собралися шафера.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Собралися шафера.

Свахи наши тут как тут,
В церковь божию зовут.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
В церковь божию зовут.

Смерть — невеста и жена
Назови их имена!
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Назови их имена!

«Свахи» — бедность и нужда —
Нас схоронят без следа.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Нас схоронят без следа.

«Шафера» — страданье, труд —
Нас цветами уберут...
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Нас цветами уберут...

И тяжелою пятой
Нас затопчет люд простой.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Нас затопчет люд простой.

Я взываю к небесам:
Пусть здоров он будет сам!
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Пусть здоров он будет сам!

И доволен буду я.
Спета песенка моя.
    Ой-да да ой-да,
    Ой-да да ой-да!
Спета песенка моя!
ВДОВЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Догорела уж лампада,
Свечи тоже догорели...
Грустных дней моих отрада
Почивает в колыбели.
    Спи, моя малютка,
    Спи, ребенок нежный,
    Цветик незабудка,
    Ландыш белоснежный!

Ты, закрыв лениво глазки,
Лепетала мне упрямо:
«Говори скорее сказки,
Говори же, душка мама,
    Как стоит избушка
    Там на курьих ножках,
    Как живет вострушка
    В красненьких сапожках».

Я баюкала и пела, —
И теперь мой голос звонок, —
Только была одну не смела
Рассказать тебе, ребенок.
    Жил стрелок когда-то,
    Жил по-барски, строго;
    Погубил, проклятый,
    Красных девок много!

Он ведь не был людоедом
И не лакомился мясом
Бедных девок за обедом,
А ласкал их поздним часом,
    Всех держал в неволе,
    Мучил за работой
    И частенько в поле
    Ездил за охотой.

И ни зайцы, ни лисицы
Пули меткой не боялись;
Только бабы да девицы
От него не укрывались.
    Встретится старуха.
    «Где?» — он грозно скажет.
    Та ответит глухо
    И на рожь покажет.

БЕЗЫМЕННЫЙ ПЕВЕЦ

Жил когда-то гусляр.

Не для знатных бояр —
Для народа он песни слагал.
Лишь ему одному
В непроглядную тьму
Вольной песней своей помогал.

Пел он звонко: «Не трусь,
Православная Русь!
Перестань голубком ворковать,
Будь могучим орлом
И иди напролом,
Не дремли, повалясь на кровать...

Как не стыдно тебе
В дымной тесной избе
При лучинушке плакать вдовой?
Ты по белым снежкам,
По зеленым лужкам
Пронесись, словно конь боевой!»

И от звуков певца
Разгорались сердца,
Молодела народная грудь, —
И, надежды полна,
Подымалась она
И старалась поглубже вздохнуть.

Где скончался певец,
Много-много сердец
Пробуждавший на старой Руси?
Где он спит под крестом
Сладко, крепко? О том
У могил безыменных спроси...

Современный поэт!
Дай правдивый ответ:
Для кого, для чего ты поешь?
С неизменной тоской,
Для услады людской
Что народу ты в песнях даешь?

Кроткий друг и собрат!
Сладкой песне я рад.
Ты поешь, как лесной соловей.
Одного я боюсь —
Что народную Русь
Не разбудишь ты песней своей.